

II.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ.

Естественный переходъ отъ частныхъ Наукъ къ Философіи. — Познаніе истины есть одна изъ существенныхъ потребностей нашего духа. — Философія, какъ любовь и стремленіе къ полной и высшей истинѣ, породила всѣ Науки. — Побужденія къ философствованію, лежащія въ дѣятельной природѣ человека. — Отношеніе Философіи къ Откровенію.

Разсматривая внимательнымъ взоромъ умственное развитіе отдѣльнаго человѣка въ его началѣ и поступательномъ ходѣ, мы напрасно старались бы

открыть точку его опоры и первоначальное его движеніе; то и другое покрыто для насъ непроницаемымъ мракомъ. Когда же это развитіе становится замѣтнымъ для нашего духовнаго ока, то оно является намъ цѣпью непрерывно-связанныхъ между собою звѣньевъ, изъ которыхъ каждое послѣдующее держится предыдущимъ и такимъ образомъ прикрѣпляется къ первоначальному — къ точкѣ опоры. Въ самомъ дѣлѣ, если бы сообщить духу человѣческому новыя познанія и новыя взгляды безъ всякаго посредничества, т. е., не утверждал ихъ на лежащей уже въ немъ основѣ, не прикрѣпляя ихъ къ готовымъ уже точкамъ прикосновенія, то сія новыя приобрѣтенія нисколько не послужатъ ни къ тому, чтобы умножить его познанія, ни къ тому, чтобы сдѣлать ихъ глубже. Напротивъ того, не будучи проникнуты его жизнью, претворены въ его существо, они не сдѣлаются его собственностію; не имѣя никакого взывыодѣйствія съ готовымъ уже содержаніемъ его, они скорѣе составятъ совершенно бесполезное время для памяти.

И для васъ, Мм. Гг., съ занятіемъ Философіею начинается новый періодъ духовной жизни: въ немъ представится вамъ новыя точки зрѣнія, откроются новыя взгляды на предметы. Чтобы начинаемое вами новое занятіе, съ его содержаніемъ, не было чѣмъ-то одиокимъ, мечтательнымъ, но, имѣя тѣсное отношеніе къ живой дѣйствительности, само сдѣлалось живымъ и благотворнымъ для васъ, я почитаю первую моею обязанностию — найти переходъ отъ ученыхъ занятій вообще къ Философіи, указать точки соприкосновенія между настоящимъ начинаніемъ вашимъ, т. е. философствованіемъ, и вашею прежнею умствен-

ною жизнью: только подъ этимъ условіемъ Философія не будетъ для васъ тѣмъ—то совершенно новымъ и чуждымъ; напротивъ того она сдѣлается высшимъ совершенствованіемъ и дополненіемъ познаній, которое духъ нашъ принимаетъ въ слѣдствіе не внѣшняго принужденія, по внутренняго требованія.

Каждый изъ васъ имѣетъ большій или меньшій запасъ свѣдѣній, частію почертнутыхъ изъ разнообразныхъ случаевъ жизни, большею же частію пріобрѣтенныхъ чрезъ преднамѣренное занятіе, чрезъ наблюденіе и размышленіе. Но обратите мысленно взоръ въ глубину духа вашего, и вы сознаетесь, что умственное богатство ваше есть странная смѣсь разнообразныхъ началъ, скопленіе частицъ, соединившихся между собою случайнымъ образомъ, цѣлостъ и единство котораго поддерживается только тѣмъ, что всѣ сіи познанія пріобрѣтены вами; что одинъ и тотъ же духъ собралъ и образовалъ ихъ; что они, взятые всѣ вмѣстѣ и каждое порознь, суть его *особнов* достояніе. А гдѣ же то высшее единство,—то внутреннее средоточіе, которое, *предлежательно* соединяя всѣ отдѣльныя части въ одно цѣлое, сообщило бы имъ связь и ясность, которыхъ часто имъ не достаетъ? Очевидно, ни одно познаніе ваше, ни одна изъ Наукъ, бывшихъ предметомъ прежнихъ занятій вашихъ, не можетъ имѣть притязанія служить средоточіемъ и въ какомъ бы то ни было отношеніи объяснительнымъ началомъ для всѣхъ прочихъ Наукъ. Или, можетъ быть, со-всѣмъ нѣтъ такого средоточія, около котораго, какъ общаго фокуса, могли бы размѣщаться всѣ познанія наши? Но мысль, что знаніе, будучи подлежательно

въ каждомъ духѣ единымъ и цѣлымъ, можетъ и *предлежательно*, при надлежащемъ развитіи, быть претворено въ одно связанное цѣлое, органически развивающееся изъ внутренняго начала, — эта мысль такъ близка каждому, хотя сколько-нибудь преусиѣваемому въ умственномъ развитіи, что я имѣю право предполагать ее и въ каждомъ изъ васъ.

Потребность высшей Науки, которая служила бы не только основаніемъ, но и средоточіемъ и довершеніемъ всѣхъ другихъ Наукъ, — открывается и инымъ путемъ — путемъ размышленія о предлежательномъ мірѣ. Я намѣренъ изложить рядъ мыслей, которыя, можетъ быть, съ большею или меньшею ясностію и послѣдовательностію представлялись уже многимъ изъ васъ: только, можетъ быть, вы не довели ихъ до конца или не умѣли вполне оцѣнить ихъ важности.

Наша познанія не суть празныя, по произволу нами составленныя мысли; напротивъ, мы приписываемъ имъ самое близкое отношеніе къ дѣйствительности; мы признаемъ ихъ за идеальныя образы дѣйствительно-существующихъ вещей. А дѣйствительный міръ, при всей необъятности своего содержанія, не можетъ быть представляемъ въ мысляхъ нашихъ иначе, какъ единое, во всѣхъ частяхъ своихъ тѣсно-связанное цѣлое. Мы можемъ направлять свою познавательную силу на отдѣльныя части и стороны этого цѣлага: слѣдствіемъ такого раздробленнаго направленія будутъ особыя, частныя Науки: Астрономія, Географія, Физика, Естествознаніе, Математика, Исторія, и т. п. Но какъ содержаніе цѣлага неисчерпаемо и даже непредѣльно, то мы и не имѣемъ права на-

дѣяться съ помощію сихъ отдѣльныхъ Наукъ когда-либо достигнуть разумнаго взгляда, который обнималъ бы все цѣлое. И однакожь, мы имѣемъ ясную идею такой Науки, которая всѣ частныя Науки содержала бы въ себѣ какъ части и составныя моменты, согласно тому, что и предметы сихъ частныхъ Наукъ суть только части и стороны единаго цѣлаго—существующей дѣйствительности. Ужели нѣтъ такой Науки, которая обнимала бы все дѣйствительное, какъ единое законченное цѣлое и, приводя его къ его корню, вносила въ наши познанія высшее единство, недоступное для Наукъ частныхъ, и чрезъ такое довершение дѣлала бы ихъ живымъ органическимъ, законченнымъ цѣлымъ,—вѣрнымъ второобразомъ дѣйствительнаго міра?

Далѣе, если вы предложите сами себѣ вопросъ: по какому побужденію и для какой цѣли учились до сего времени?—то сознаніе, безъ сомнѣнія, скажетъ каждому изъ васъ, что въ лѣтахъ дѣтства пріобрѣтеніе разнообразныхъ свѣдѣній служило для васъ пріятнымъ препровожденіемъ времени, не болѣе какъ игрою; удовольствіе, ощущаемое вами отъ легкаго пріобрѣтенія свѣдѣній, болѣе и болѣе возбуждало вашу охоту учиться; притомъ же, съ дальнѣйшимъ развитіемъ ума, вы начали чувствовать, что для разумѣнія одной Науки необходимы свѣдѣнія о другихъ; а наконецъ, имѣя въ виду известное назначеніе въ обществѣ, вы не могли не заботиться о пріобрѣтеніи познаній, необходимыхъ для достойнаго исполненія обязанностей важнаго будущаго званія. Все это совершенно справедливо; но согласитесь, что все это вы болѣе чувствовали, чѣмъ ясно знали. Теперь

же для васъ настало время приняться за сіи вопросы, рѣшеніе которыхъ вы до сихъ поръ или отлагали на будущее время или вовсе оставляли, — за вопросы, откуда происходитъ взаимное отношеніе и связь отдѣльныхъ Наукъ между собою? И далѣе: почему для точнаго исполненія житейскихъ обязанностей необходимы познанія? или, короче: почему познаніе вообще есть потребность для человѣка?

Собственнымъ своимъ размышленіемъ легко можете убѣдиться, что званія ищутся и приобрѣтаются не по однимъ лишь корыстнымъ побужденіямъ; не потому только, что они дѣлаютъ насъ способными къ извѣстнымъ занятіямъ въ жизни, къ извѣстному званію, поставляютъ насъ въ извѣстное желаемое нами положеніе въ свѣтѣ, доставляютъ намъ различныя выгоды и удовольствія, приобрѣтаютъ намъ уваженіе и вѣсъ въ обществѣ; и мало ли есть другихъ побужденій, для которыхъ люди ограниченныя считаютъ себя обязанными—стремиться къ умственному образованію. Но обратитесь мысленно къ лѣтамъ вашего отрочества, когда вы, еще не помышляя о вашемъ будущемъ званіи, не разсчитывая пользы, которую извлечете изъ собираемыхъ вами свѣдѣній, собирали ихъ безъ всякой цѣли и тѣмъ не менѣе радовались своимъ приобрѣтеніямъ; и этотъ опытъ, столь близкій къ каждому изъ насъ, убѣдитъ въ той общепринятой истинѣ, что *желаніе знать что-нибудь врождено всемъ людямъ безъ исключенія*. Конечно, у большей части людей это желаніе обнаруживается не въ видѣ собственно любознательности, но скорѣе въ видѣ *пустаго любопытства*, направленнаго не столько къ какому-либо важному содержанію знанія,

сколько къ новостямъ, особенностямъ и страпностямъ ви́шнихъ явленій. Но даже и это простое любопытство служитъ достаточнымъ доказательствомъ тому, что въ человѣкѣ есть врожденное побужденіе—покорить и усвоить своему духу все, представляющееся ему въ подлежательномъ мірѣ. Припимая благороднѣйшее направленіе, это желаніе человѣка превращается въ любознательность, которая, болѣе соответствуя внутренней потребности, стремится къ дѣйствительному содержанію знанія: не останавливаясь на ви́шнемъ явленіи вещей, имѣющемъ въ своей отдѣльности мало значенія, человѣкъ тогда проникаетъ, по возможности, во внутреннюю сущность ихъ, сличаетъ одно недѣлимое съ другимъ, стремится подвести ихъ подъ общую единицу, подъ одну форму, одинъ законъ и одно основаніе бытія, и такимъ образомъ изъ безконечно-разнообразныхъ опытовъ жизни образуетъ общепримѣняемыя основоположенія. Это стремленіе пропикнуть во внутреннее и пребывающее въ вѣщахъ, въ то, что составляетъ корень, ядро ви́шнихъ явленій, сообщаетъ нашей любознательности благороднѣйшій характеръ: тогда ея цѣль состоитъ въ истинномъ, достойномъ знаніи; тогда она сама собою являетъ правильное и ясное выраженіе той общей внутренней потребности, которая, пробудившись одинъ разъ въ человѣкѣ, сама для себя есть залогъ и ручательство своего удовлетворенія.

Итакъ познаніе есть нормальное проявленіе жизни духа; свидѣтельствомъ тому служитъ врожденное, невольное стремленіе къ познаванію. Отсюда объясняется чувство удовольствія и радости, ощущаемое нами при удовлетвореніи этого стремленія; а такъ

какъ это чувство есть чисто-духовное, то по сему самому напряженность его возрастаетъ съ каждымъ новымъ удовлетвореніемъ, такъ что въ нѣкоторыхъ недѣлимыхъ дѣлается оно одушевленною любовью, готовою на всѣ жертвы ради истины — сей общей цѣли, къ которой направлены всѣ разнородныя изслѣдованія.

Но вы спросите: гдѣ же найдетъ себѣ успокоеніе и насыщеніе это стремленіе духа, неопредѣленно-направленное, или, лучше сказать, раздробленное на безкончный рядъ предметовъ? Чѣмъ болѣе изслѣдываетъ и узнаетъ онъ — и это, конечно, вы знаете по собственному вашему опыту — тѣмъ болѣе возникаютъ предъ нимъ со всѣхъ сторонъ задачи, о которыхъ прежде онъ и не помышлялъ. Чѣмъ выше поднимается онъ въ своемъ познаніи, чѣмъ болѣе расширяется кругъ его зрѣнія, тѣмъ шире стелется предъ нимъ необозримое поле, гдѣ взоръ его уже ничего ясно не различаетъ, гдѣ и мысль его не знаетъ на чемъ остановиться. Приступая къ изслѣдованію истины — такъ кажется ему — онъ былъ богаче потому, что не сознавалъ своей бѣдности, нежели теперь, при концѣ своего пути, когда онъ съ горестію долженъ сознаться, какъ ничтожно прибрѣтенное имъ знаніе въ сравненіи съ тѣмъ, что еще остается ему узнать. Но это грустное слѣдствіе многотрудныхъ исканій не въ силахъ привести человѣка въ отчаяніе, отнять у него бодрость и охоту къ дальнѣйшему исканію. Съ каждою новою ступеню, на которую, хотя бы то и съ трудомъ, восходитъ человѣкъ, растетъ желаніе его подняться на ступень еще высшую, откуда представляется ему еще обшир-

нѣйшій кругъ зрѣнія; чѣмъ благороднѣе и возвышеннѣе познаніе, пріобрѣтенное имъ, тѣмъ живѣе и пламенинѣе стремленіе достигнуть еще высшаго единства, которое содержало бы подъ собою и объясняло бы всѣ прежнія его познанія. Послѣ сего доказательства, замѣтовааннаго изъ Психологій и изъ Исторіи просвѣщенія человѣчества, нужны ли еще другія, для убѣжденія въ томъ, что частныя, подчиненныя истины не доставляютъ полнаго удовлетворенія духу человѣческому, но что врожденная ему любознательность, по сущности своей, стремится къ *полной и высшей истинѣ*? Это стремленіе къ истинѣ ради ея самой, эту любовь къ мудрости Греки и называли *Философією*.

Любознательность человѣка, которая нигдѣ не успокаивается, которая могла бы насытиться только лишь высочайшею истиною, и которая ему лишь одному изъ всѣхъ земныхъ тварей свойственна, служитъ достаточнымъ доказательствомъ его духовности, его возвышенности надъ всею природою; она возвѣщаетъ ему о высокомъ назначеніи его существа, могущаго найти для себя покой не въ конечномъ, временномъ и преходящемъ, но только въ неизмѣнномъ, вѣчномъ и безконечномъ — въ одномъ Высочайшемъ благѣ.

Сіе-то невольное влеченіе къ высочайшей истинѣ и есть та сокровенная пружина, которая заставляетъ насъ стремиться къ слѣзному, научному знанію предметовъ, и Философія, въ этомъ значеніи, справедливо называется *матерью всѣхъ Наукъ*. Всякій новый усилъхъ, всякое новое пріобрѣтеніе въ области знанія обуславливается степенью ревности и любви

къ истинѣ, одушевлявшихъ искателя въ его стремленіи.

Такимъ образомъ любовь и въ теоретической области познанія является тѣмъ же, что она есть въ области Искусства и практической жизни, т. е. животворнымъ началомъ. Человѣкъ могучъ только въ томъ, къ чему въ немъ есть любовь, къ истинному ли то, или прекрасному, или благому. Безъ любви онъ слабъ и немощенъ: она возбуждаетъ его, одушевляетъ, приводитъ въ дѣятельность всѣ силы его; она въ немъ есть творящее, живущее начало; противоположное любви—холодность, отвращеніе и ненависть, конечно также могутъ побудить человѣка къ дѣятельности; но однѣ, сами по себѣ, онѣ побуждаютъ отнюдь не къ живительной дѣятельности, а къ разрушительной.

Нѣкоторые Философы побужденіе къ философствованію, т. е. къ исканію высочайшей достижимой для человѣка истины, полагаютъ въ томъ, что для человѣка, по самой природѣ его, тягостно и даже несносно состояніе неизвѣстности и нерѣшимости, между тѣмъ какъ обыкновенныя, обращающіяся между людьми познанія сообщаютъ ему весьма поверхностныя, по большей части сомнительныя, одно другому противорѣчающія свѣдѣнія, въ особенности касательно важнѣйшихъ предметовъ его жизни; чтобы достигнуть успокоенія и согласія съ самимъ собою, человѣкъ начинаетъ внимательно изслѣдывать и глубже вникать въ основаніе и связь вещей: отсюда Философія. Но, очевидно, это мнѣніе различествуетъ съ нашимъ только по способу изложенія: въ немъ все вниманіе исключительно обращено на отрицательную

сторону предмета, которая—по тому самому, что отрицательное ни въ мышленіи, ни въ дѣйствительности не можетъ имѣть самобытной сущности—необходимо указываетъ на что-нибудь положительное; и въ семъ-то положительномъ состоитъ то прирожденное духу человѣческому назначеніе—познавать истину, и происходящая отъ того любовь къ ней, которая заставляютъ духъ человѣческій столь ревностно стремиться къ познанію ея. Заблужденія, неизвѣстность и сомнѣніе отнюдь не были бы мучительны для человѣка, если бы истина и несомнѣнная увѣренность въ ней не были необходимою потребностію правильнаго состоянія его духа. Какъ въ физическомъ отношеніи удовольствіе, пристекающее изъ правильнаго, согласнаго хода всѣхъ орудныхъ отправленій, часто не сознается ясно, и здоровье вполне цѣлится лишь тогда, когда въ организмѣ начинается разстройство и поврежденіе: такъ и въ духовномъ отношеніи только лишь неизвѣстность, сомнѣніе и несогласіе съ самимъ собою даютъ человѣку вполне чувствовать высокую цѣну истины, несомнѣнной увѣренности и согласія съ самимъ собою; возбуждаютъ и воспаляютъ его любовь къ симъ благамъ и поощряютъ его всѣми силами и средствами—стремиться къ ихъ обладанію.

Эта любовь къ истинѣ возвышаетъ, одушевляетъ и счастливитъ человѣка уже и въ то время, когда онъ вовсе еще не имѣетъ яснаго сознанія о содержаніи послѣдней цѣли своего стремленія, а только лишь темное чаяніе его. Сначала человѣкъ просто вѣритъ, что должна быть и есть такая высочайшая истина, въ которой разрѣшаются всѣ загадки и недоумѣнія;

разумъ, понуждая его искать этой истины, тѣмъ самымъ подлежательно ручается ему за ея существованіе. И потому человѣкъ сначала философствуетъ безъ плана и метода, слѣдуя такъ—сказать произвольно влеченію разума, пока наконецъ размысленіе о собственныхъ и о чужихъ, болѣе или менѣе неудачныхъ и неудовлетворительныхъ опытахъ въ области Философіи проявляетъ его духовный взглядъ, и съ большею опредѣлительностію указываетъ ему—каково должно быть искоемое имъ знаніе, чтобы быть въ состояніи удовлетворить требованіямъ разума. Такимъ образомъ, послѣ многихъ, инстинктуальныхъ, можно сказать, опытовъ философствованія, въ чело-вѣчествѣ возникаетъ и мало по малу проясняется идея Философіи, какъ такой Науки, которая, приводя умъ къ первымъ основаніямъ всякаго бытія, а вмѣстѣ съ тѣмъ—всякаго познанія и дѣйствованія (сіи послѣднія суть только проявленія перваго), съ одной стороны служитъ средоточною и всеобщію Наукою, связующею и восполняющею всѣ частныя Науки, съ другой удовлетворяетъ врожденному намъ стремленію къ высочайшей достижимой для человѣка истинѣ.

И сіе—то есть знаніе, потребность котораго каждый изъ насъ, на настоящей степени умственного развитія, навѣрное болѣе или менѣе ощущаетъ въ себѣ. Сознавая разнородность и отрывочность пріобрѣтенныхъ знаній, естественно будемъ искать узла, связующаго ихъ,—высшаго, предлежательнаго единства, которое служило бы изяснительнымъ началомъ для разнородныхъ истинъ, почерпнутыхъ изъ частныхъ Наукъ; съ пылѣющимъ состояніемъ сообразно желать Науки,

которая, не теряясь въ безконечныхъ частностяхъ сущест-
ствующаго, въ формахъ существованія и взаимныхъ
отношенійхъ, обнимала бы его, какъ единое цѣлое,
и разрѣшала по возможности трудный вопросъ о его
послѣднемъ основаніи и конечной цѣли.

Однакожь потребность Философій для человѣка
очевидна не только изъ естественнаго его стремленія
къ познанію истины, но и изъ стремленія его къ дѣй-
ствованію, — стремленія ему врожденнаго и непреодо-
лимаго, такъ что мы нисколько не сомнѣваемся призна-
вать, вмѣстѣ съ Платономъ, свободную, дѣятельную
силу человѣка за самую высшую и благороднѣйшую
его способность, и разумное, богоугодное дѣйстви-
ваніе почитать за послѣднюю цѣль всякаго познанія.
Въ самомъ дѣлѣ, какая польза человѣку, обтекаю
умомъ своимъ вселенную въ ея высотахъ и глуби-
нахъ, изслѣдывая основаніе и цѣль ея, оставаться
при темномъ и шаткомъ познаніи о себѣ самомъ и о
томъ участіи, которое онъ, по своей природѣ, дол-
женъ принимать во всеобщемъ стремленіи къ цѣли
міра? Ибо сіе — то именно и отличаетъ человѣка отъ
прочихъ земныхъ тварей, что онъ не бессознательно
и не принужденно, подобно имъ, дѣлается тѣмъ, чѣмъ
долженъ быть по идеѣ Творца, но что ему дарованы
только лишь необходимыя для того способности, си-
лы и средства, а устремить ихъ къ предназначенной
ему цѣли или нѣтъ, предоставлено его свободной во-
лѣ. Отсюда очевидно, что самосознательное познаніе
есть необходимое условіе свободнаго дѣйствованія.
Если же это познаніе не будетъ несомнѣнно исти-
ннымъ, а будетъ паугадъ блуждать во мракѣ и сомнѣ-
ніяхъ касательно цѣли нашего бытія и средствъ, ве-

дущихъ къ ней, то какъ намъ и надѣяться достигнуть когда-либо этой цѣли? Если бы случай и привелъ насъ къ ней, то могли ли бы мы вмѣнить это себѣ въ заслугу,—мы, которые не только не хотѣли, но и не знали того, что дѣлали?

Теперь спрашивается: какимъ образомъ человѣкъ достигаетъ сознанія своего назначенія, или (что то же) познанія божеской идеи, долженствующей осуществиться его жизнію. Ежедневный опытъ съ дѣтьми неопровержимо свидѣтельствуетъ, что человѣкъ доходитъ до этого познанія не иначе, какъ только при посредствѣ высшаго авторитета. И такъ оставимъ химеру тѣхъ Философовъ, кои, производя человѣка изъ какого-то первобытнаго хаоса, заставляютъ его образоваться въ согрѣтомъ морскомъ илѣ, или въ чемъ-нибудь другомъ, сначала въ животное, и потомъ постепенно развиваться до степени человѣка, на которой онъ самъ собою доходитъ какъ вообще до разумнаго самосознанія, такъ и въ особенности до сознанія нравственныхъ требованій. Если бы происхожденіе человѣка на самомъ дѣлѣ было таково, то самымъ чуднымъ изъ всѣхъ чудесъ и самою неразрѣшимую изъ всѣхъ загадокъ было бы то, что въ человѣческомъ родѣ и теперь существуетъ и—по свидѣтельству Исторіи и преданія—всегда существовало разумное и притомъ нравственное самосознаніе. Напротивъ, какъ просто и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительно то объясненіе сей неразрѣшимой для человѣческаго разума задачи, которое содержится въ Божественномъ Писаніи: Самъ Богъ, свидѣтельствуетъ оное, воспиталъ перваго человѣка; Самъ Богъ далъ первое движеніе его разуму, и потомъ оно ста-

ло постепенно передаваться отъ предковъ потомкамъ, и этотъ порядокъ вещей продолжается дониндѣ. Родители, наставники и начальники, посредствомъ виѣшнихъ повелѣній, положительныхъ законовъ, пробуждаютъ въ своихъ дѣтяхъ, питомцахъ и подчиненныхъ внутренній, еще дремлющій голосъ: ибо законъ разума, съ его требованіями, написанъ въ сердцѣ каждаго человѣка. Когда сей внутренній, одобряющій или осуждающій голосъ становится вятенъ, слышенъ, для человѣка, тогда просыпается его нравственное сознаніе, его совѣсть; тогда онъ различаетъ въ своихъ поступкахъ между добромъ и зломъ, смотря (какъ говорить ему его сознаніе) по тому, слѣдуетъ ли опъ внутреннему голосу, или на мѣсто сего, даннаго ему закона, повинуется прихотямъ своей самости и самоволія. Раскрыть это обильное содержаніе нравственнаго сознанія и возвести его къ ясности, постановить твердыя и точныя начала для человѣческой дѣятельности, и, принимая въ соображеніе дѣйствительныя отношенія человѣка, показать примѣненіе сихъ началъ къ облагороженію жизни — издревле было почитаемо дѣломъ мудреца, или, крайней мѣрѣ, любителя мудрости — *Философа*.

Можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: хотя въ человѣкѣ и есть внутреннее расположеніе и стремленіе къ Философіи, но потребность и важность ея для насъ, просвѣщенныхъ Христіанскимъ Откровеніемъ, вовсе не такъ велика, какъ напр. для язычниковъ, особенно въ практическомъ отношеніи; и потому Христіанинъ легко можетъ обойтись и безъ Философіи. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль Философіи есть познаніе первыхъ основаній, первоначально узаконенныхъ отно-

шеній и послѣднихъ цѣлей всего существующаго; а Божественное Откровеніе даетъ намъ касательно сего, Своимъ Божескимъ авторитетомъ, наставленія, ручаясь за ихъ непогрѣшительность. За чѣмъ же будемъ мы искать ихъ разумомъ? Далѣе, мыслящій человѣкъ ищетъ въ Философіи удовлетворенія врожденному стремленію къ истинѣ и вмѣстѣ удовлетворенія практической потребности—знать о своемъ конечномъ назначеніи: субъективно, подлежательно все его стремленіе направлено къ тому, чтобы, чрезъ самостоятельное рѣшеніе возникающихъ въ душѣ его сомнѣній и противорѣчій, притти въ согласіе съ самимъ собою и поставить себя въ гармоническое отношеніе со всѣмъ, что выше или ниже его, или на ряду съ нимъ. Откровеніе удовлетворяетъ и этой потребности, и притомъ въ несравненно высшей степени, чѣмъ всякая возможная Философія. Оно даетъ намъ миръ, котораго не можетъ дать свѣтъ, и который выше всякаго разума. Изъ сего самъ собою возникаетъ вопросъ: при данномъ свыше Откровеніи не лзя ли совершенно обойтись безъ самостоятельнаго развитія разума собственными его силами, которое называемъ Философіею, и естествеино-возникающую потребность котораго мы показали выше. Не становится ли эта Философія для озареннаго Откровеніемъ человѣка чистою роскошью ума? Легко понять, что теперь — при самомъ началѣ нашихъ философскихъ занятій—отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ только лишь въ общихъ чертахъ: потому что одно лишь содержаніе Философіи можетъ служить мѣриломъ для точнѣйшаго опредѣленія отношеній между естественнымъ познаніемъ человѣка и его вѣрою въ

Откровеніе. И такъ на сей разъ мы должны ограничиться слѣдующимъ разсужденіемъ.

Если при философскомъ размысленіи мы стараемся найти въ своемъ духѣ твердую внутреннюю точку опоры нашего познанія, или если мы, изслѣдывая ученіе другихъ, до-Христіанскихъ Философовъ, чрезъ искусственное отвлеченіе переносимся съ нашей собственной точки зрѣнія на точку зрѣнія, имъ свойственную, то ни то ни другое не составляетъ насъ въ необходимость отказаться при философствованіи нашемъ отъ Христіанскихъ нашихъ убѣжденій, или хотя на время отложить ихъ. Христіанинъ и философствуя, все же остается Христіаниномъ; основанныя на Христіанской Вѣрѣ убѣжденія свои онъ не дерзнетъ промѣнять на еще только искомыя имъ убѣжденія разума. Такое отреченіе отъ религіознаго вѣрованія было бы необходимо въ такомъ только случаѣ, когда бы мы съ основаніемъ могли предположить, что искомое нами разумное познаніе необходимо должно подрывать, или по крайней мѣрѣ ослаблять нашу Христіанскую Вѣру, и что первое никакъ не можетъ существовать рядомъ со второю. Но подобное предположеніе не оправдывается никакимъ достаточнымъ основаніемъ: ибо въ пользу его говоритъ только тотъ историческій фактъ, что философствующій разумъ часто впадалъ въ грубыя заблужденія и вступалъ во враждебную противоположность съ Христіанствомъ. Этимъ печальнымъ опытомъ мы можемъ противопоставить столь же многочисленныя и несравненно важнѣйшія опыты, достаточно доказывающіе, что въ самомъ существѣ разума нѣтъ ничего враждебнаго Вѣрѣ, могущаго слѣ-

латъ неизбежнымъ разрывъ между Христіанствомъ и Философіею, и что сіе можетъ произойти только отъ превратнаго употребленія разума, понимаемаго, какъ совокупность естественныхъ познавательныхъ силъ (потому что разумъ, взятый въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, не терпитъ злоупотребленій; имъ подверженъ одинъ умъ). Посему, если въ различныя времена были люди, которые, негодую на злоупотребленію разума, думали помочь злу тѣмъ, что совершенно отказывали человѣческому уму въ способности дойти до правильнаго познанія и твердаго убѣжденія въ чемъ-нибудь, то очевидно сіи люди, при всей благонамѣренности своей, слишкомъ далеко заходили въ своихъ требованіяхъ,—гораздо далѣе того, чего сама Святая Церковь требуетъ отъ своихъ чадъ. Ясныя и опредѣлительныя постановленія и изреченія Церкви касательно сего предмета не представляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что употребленіе разума, въ возможномъ, но правильномъ развитіи и образованіи сего, не только можетъ, но даже и необходимо должно быть допущено въ дѣлахъ Вѣры. Св. Отцы Церкви своимъ живымъ примѣромъ показываютъ намъ, въ какихъ предѣлахъ и для какой цѣли можетъ быть полезна и даже необходима здравая Философія. Пока философскія изслѣдованія не выходили изъ предѣловъ умѣренности и согласія съ Откровеніемъ, дотолѣ они были весьма важны и благодѣтельны для духовныхъ усилій челоѣчества. Не лзя отвергать сказаннаго даже и въ отношеніи къ господствовавшей въ Средніе вѣки Схоластической Философіи, которая такъ часто обезображивается и искажается историческими Писателями, знающими ее только по слуху, а

не изъ самыхъ источниковъ ея. Если она пала, то причина паденія ея заключалась не въ томъ, какъ обыкновенно полагають, что слабые умы перенесли ее на безплодную почву безконечныхъ тонкостей и поверхностныхъ анализовъ, но въ томъ, что подъ копецъ она сдѣлалась двуязычною, стала признавать двоякую истину — богословскую и философскую, изъ которыхъ будто бы одна можетъ противорѣчить другой.

Совершенно иные взгляды на этотъ предметъ необходимо должны были возникнуть тамъ, гдѣ на мѣсто Церковнаго авторитета, какъ средоточія, объединяющаго убѣжденія и несомнѣнность всѣхъ вѣрующихъ, поставленъ былъ началомъ особый чело-вѣческій разумъ. Слабость и недостаточность этого начала слишкомъ скоро обнаружилась, между прочимъ, и въ томъ, что, на основаніи его, весьма скоро возникли не только разногласныя, но и совѣмъ одно другому противорѣчившія мнѣнія.

Но смотрѣть на Христіанское Откровеніе только какъ на свыше-данное наставленіе—значило бы смотрѣть на него слишкомъ односторонно: Христіанство не есть только раскрытіе совѣта Божія о спасеніи чело-вѣка; оно есть вмѣстѣ и исполненіе его. Иисусъ Христосъ былъ не только Учитель, подобно многимъ другимъ, прежде и послѣ Него бывшимъ, но и Искупитель нашъ, Посредникъ между Богомъ и падшимъ чело-вѣчествомъ. Онъ насадилъ въ чело-вѣчествѣ новое релігіозное начало — начало *Благодати*, которое хотя ближайшимъ образомъ обратило свое дѣйствіе на познавательную силу чело-вѣка, требуя вѣры въ Небеснаго Учителя и Спасителя, но не ограничилось

симъ наставленіемъ и вѣрою, а чрезъ эту вѣру и чрезъ ея таинства совершенно преобразовало какъ жизнь недѣлимыхъ, такъ и общее состояніе человѣчества. И такъ Христіанство отнюдь не есть только наученіе и просвѣщеніе человѣчества (каковымъ должно бы почитать его и тогда, когда бы возможно было достигнуть сего просвѣщенія высочайшею Философіею, чистѣйшимъ и полнѣйшимъ изложеніемъ и развитіемъ существенныхъ идей разума), но оно есть вмѣстѣ новое религиозное твореніе, новый, непосредственною творческою силою Божества внесенный въ человѣчество жизненный элементъ, которымъ падшій родъ человѣческій долженъ примириться съ Божествомъ и быть возведенъ на новую высшую степень духовнаго совершенства и соединенія съ Богомъ. Понимаемое такимъ образомъ Христіанство, конечно, не можетъ быть объяснено изъ дѣйствій и прежде бывшихъ конечныхъ или естественныхъ силъ, но должно быть отнесено единственно къ полнотѣ Божескихъ силъ, къ непосредственной и сверхъестественной дѣятельности Божества. Таково понятіе о сущности Христіанской Религіи, какъ оно живо сохранилось въ самосознаніи Церкви отъ самаго начала ея и съ очевидностію осуществилось въ историческомъ ея ходѣ и развитіи. Раціонализмъ старается поколебать его, замѣняя его другимъ самозданнымъ и произвольнымъ понятіемъ объ Откровеніи, унося Христіанство до степени простаго наученія и просвѣщенія разума.

Къ сказанному доселѣ самъ собою примыкаетъ другой, весьма важный при рѣшеніи нашего вопроса догматъ Христіанства, именно — догматъ о предвѣч-

пости совѣта Божія для искупленія человѣческаго рода. Этимъ догматомъ совершенно опровергается мнѣніе тѣхъ, которые полагають, будто Богъ вначалѣ опредѣлилъ вести людей къ нхъ цѣли обыкновеннымъ естественнымъ путемъ и что, только лишь въ слѣдствіе грѣхопаденія первыхъ человѣковъ и все болѣе и болѣе возрастающаго развращенія ихъ потомковъ, онъ нашелся принужденнымъ помочь человечеству посредствомъ сверхъестественнаго Откровенія и спасти его чрезъ Христа. Но если бы ученіе о предвѣчности Божескаго совѣта, о искупленіи, и не было такъ ясно и опредѣленно выражено въ Христіанскомъ Откровеніи, то уже и одна дѣйствительная данность этого Откровенія — при несомпѣнности мудрости и всевѣдѣнія Божіемъ, обнимающихъ и будущее, какъ настоящее — служила бы достаточнымъ доказательствомъ тому, что сіе Откровеніе не было вызвано обстоятельствами и даровано только лишь въ слѣдствіе человѣческаго развращенія, но что оно искони положено было въ Божественномъ предначертаніи. Отсюда мы совершенно справедливо выводимъ заключеніе, что Богъ ведетъ насъ къ нашему назначенію частію естественными, частію же сверхъестественными средствами; что Онъ, просвѣщая насъ сверхъестественнымъ Откровеніемъ, тѣмъ самымъ не дѣлаетъ для насъ излишнимъ естественнаго свѣта разума, и что съ другой стороны едва ли бы Онъ далъ намъ сверхъестественное Откровеніе, если бы одна естественная сила познанія могла удовлетворить нашимъ потребностямъ. Если же Богъ даровалъ намъ нѣстѣ и то и другое, то симъ доказывается, что мы должны принимать ихъ, какъ дары, ниспосыла-

емые намъ Источникомъ всякаго блага, истины и гармоніи, и потому не состоящіе между собою ни въ какомъ противорѣчїи, развивать ихъ въ совершенномъ согласїи и пользоваться обими для нашего спасенїя.

Посему истина—одна, и какимъ бы путемъ ни открывалась она нашему сознанию, естественнымъ или сверхъестественнымъ, — источникъ ея въ Богѣ. Такимъ образомъ Откровеніе не можетъ содержать въ себѣ: ничего противорѣчащаго несомнѣннымъ истинамъ разума, и человѣкъ въ коренныхъ идеяхъ своихъ имѣетъ отрицательный масштабъ того, что Откровеніе представляетъ ему, какъ истинное и доброе, — но, не забудьте: только отрицательный. Утверждать же, что Богъ или не можетъ или не долженъ сообщаться съ человѣкомъ иначе, какъ только лишь естественнымъ путемъ, была бы величайшая дерзость. Неужели Тотъ, Который однимъ свободнымъ хотѣніемъ Своимъ призвалъ конечный духъ изъ небытія къ бытію и по своей мудрости и любви одарилъ его разумомъ, не могъ по Своей волѣ постановить границъ и закона для его дѣятельности? Неужели Сотворившій человѣка не могъ послѣ того дѣйствовать на него, и принужденъ былъ предоставить судьбу его такъ-называемому естественному ходу вещей? Не въ Его ли власти, Божескою Своею силою ввести въ исторїю человѣчества новое, прежде не бывшее тамъ начало, и ради слятыхъ цѣлей сообщить человѣку истину выше и совершеннѣе той, которой онъ достигаетъ естественными своими силами!... Какое было бы это недостойное попятіе о Высочайшемъ Суще-

ствѣ, отвергаемое, какъ нелѣпность, даже просвѣщеннѣйшими изъ язычниковъ.

При такомъ взглядѣ, исключаяошемъ всякое тѣсное и живое общеніе между человѣкомъ и Богомъ, слово *Религія* необходимо получаетъ тотъ смыслъ, который оно имѣло въ школѣ Эпикура: она становится произвольнымъ созданиемъ человѣческой фантазіи. Если бы мы хотя на минуту хотѣли допустить это исключеніе всякаго непосредственнаго Божескаго вліянія на человѣка, это безутѣшное оставленіе его Богомъ, то чѣмъ могли бы мы объяснить настоящую степень образованія человѣческаго рода; чѣмъ объяснили бы мы даже первый шагъ человѣка къ образованію—пачало языка, и вообще пачатки всего человѣческаго образованія? Если же Божеская сила могла вначалѣ непосредственно дѣйствовать на человѣка, возбуждая и научая его, то почему же она не могла бы дѣлать того же и во всякое иное время? Развѣ потому, что чрезвычайное Откровеніе, данное человѣку сверхъ разума, даетъ нѣкоторый поводъ думать, будто первоначально созданное Творцемъ въ послѣдствіи времени оказалось недовольно совершеннымъ и потребовало исправленія; будто силы, дарованныя Имъ человѣку, недостаточны для самостоятельнаго познанія того, что необходимо для достиженія его высокаго назначенія, для его блаженства? Но опредѣленіе Божіе открыть себя человѣку и устроить спасеніе его чрезвычайнымъ путемъ, какъ мы уже сказали, предвѣчно и совпадаетъ съ самымъ мірозданіемъ, хотя оно развивалось постепенно во времени, и только лишь въ Иисусѣ Христѣ совершилось, когда исполнилось время. Или, можетъ быть, такое

превышающее естественный разумъ наученіе посредствомъ сверхъестественнаго Откровенія не можетъ быть допущено потому, что оно нѣкоторымъ образомъ унижаетъ разумъ? ибо между тѣмъ какъ сей послѣдній почитаетъ себя назначеннымъ къ автономіи, къ безусловной самостоятельности и независимости, Откровеніе подчиняетъ оный почитательству высшаго авторитета, изъ подъ котораго онъ никогда не долженъ и думать выйти. Противъ сего мы замѣтимъ, что это преувеличенное понятіе о человѣческомъ разумѣ, приписывающее ему какую-то безусловную самостоятельность и безграничность, даже тожество съ Божескимъ разумомъ, само есть не что иное, какъ произведеніе господствующей въ наше время идеалистической и пантеистической Философій. Это понятіе, по свидѣтельству Психологій и Исторіи, будучи лишено всякаго твердаго основанія, есть не что иное, какъ воздушное, олицетворенное воображеніемъ отвлеченіе, корень котораго есть та же духовная гордость, то же высокомеріе, которое отдалило отъ Творца и первыхъ человѣковъ. Но положительный дарованный человѣческому роду авторитетъ не только не стѣсняетъ его разумности, но еще необходимъ для осуществленія ея. Да и почему такое, выходящее за предѣлы разума Откровеніе непременно должно быть препятствіемъ собственному самобытному развитію разума? Откровенная истина отнюдь не входитъ въ духъ нашъ подобно какой-нибудь математической истинѣ, признаніе или отверженіе которой не зависитъ отъ нашего произвола; но которая, будучи понята, сама собою принуждаетъ насъ къ ея признанію и принятію. Напротивъ того, Откровеніе напра-

влено къ свободному духу, истины его требуютъ непринужденнаго, свободнаго, — а какъ божь разума имѣть свободы, то и разумнаго — принятія; онѣ должны чрезъ вѣру сдѣлаться свободнымъ, непринужденнымъ стяжаніемъ духа. И дѣйствительно, если бы въ этомъ дѣлѣ имѣло мѣсто какое-нибудь принужденіе, то могла ли бы вѣра почитаться заслугою, какъ повсюду представляетъ ее Откровеніе? Одно только справедливо въ этомъ ученіи: именно то, что если человѣкъ хочетъ сохранить свой разумный характеръ, то преданность его вышнему и непостижимому, сообщаемому въ Откровеніи, не должна быть преданностію безъ размышленія, которая нисколько не освобождаетъ отъ обязанности давать самому себѣ отчетъ въ своей Вѣрѣ. Давать же себѣ отчетъ въ своей Вѣрѣ вовсе не значить хотѣть уразумѣть все содержаніе Откровенія, и такимъ образомъ превратить Вѣру въ знаніе, что, конечно, невозможно; но значить ясно сознавать тѣ побужденія, ради которыхъ разумъ требуетъ, что бы данное Откровеніе было признаваемо и принимаемо какъ дѣйствительно исшедшее отъ Бога, — требуетъ, или только нравственно обязуетъ, но не принуждаетъ. Какъ скоро историческія и философскія основанія доказали разуму Божественное происхожденіе Откровенія, то это самое уже достаточно ручается за совершенную несомнѣнность и непогрѣшительность содержанія его, — понятно ли, или непостижимо оно для нашего разума. Утвержденіе наше объ обязанности человѣка давать себѣ отчетъ въ своей Вѣрѣ не опровергается и не ослабляется тѣмъ, что исполнить эту обязанность въ состояніи только не многіе изъ людей, и даже изъ такъ-называемыхъ образованныхъ

только тѣ, которые обладаютъ достаточнымъ философскимъ и историческимъ образованіемъ. Откровеніе тѣмъ не менѣе есть и остается величайшимъ благодѣяніемъ для человѣческаго рода. Но и во всѣхъ другихъ областяхъ познанія и дѣйствованія, въ Наукахъ, Искусствахъ и государственной жизни, безкопечно большее число людей не въ состояніи проникать до послѣднихъ основаній и опредѣлять свое дѣйствованіе разумѣніемъ сихъ основаній, хотя бы даже они были со всею ясностію имъ представлены другими: ибо, чтобы быть въ состояніи возвышать основанія, и въ особенности философскія, для сего потребно образованіе, къ достиженію котораго не всякій имѣетъ способности, и еще менѣе времени и средствъ. И потому Всеблагій Творецъ не поставилъ убѣжденія и послушанія человѣка вообще въ исключительную зависимость отъ собственного разумѣнія основаній, но вложилъ ему довѣренность къ разумѣнію и доброй волѣ другихъ; человѣческій авторитетъ составляетъ естественную потребность человѣка, и по большей части замѣняетъ для него собственное многотрудное изысканіе основаній тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ принимаетъ и употребляетъ какъ истинныя, и испытаніе того пути, которымъ идетъ онъ въ жизни. И этотъ человѣческій авторитетъ для большей части людей есть посредникъ ихъ подчиненія Божественному авторитету Откровенія. Самая Церковь, сіе Божественное учрежденіе, основанное Искушителемъ для всегдшняго сообщенія всѣмъ того спасенія, которое принесъ Онъ человѣчеству, временными орудіями для возвышенія Слова Божія употребляетъ только людей; но, конечно сіи люди, поставляемые Церковію и

учащіе по имя и по порученію ея, кромѣ обыкновеннаго человѣческаго авторитета, облечены еще другими, высшимъ авторитетомъ Церкви, дарованнымъ ей непосредственно отъ самаго Божественнаго учредителя ея.

И такъ, поелику не лзя найти никакого основанія, по которому бы Божественное Откровеніе могло и не должно было въ своемъ содержаніи простирается за предѣлы, доступные человѣческому разуму, то очевидно, что разумъ не можетъ выставлять себя положительнымъ мѣриломъ истинъ Откровенія; напротивъ того, онъ долженъ сознаться, что могутъ быть, и на самомъ дѣлѣ есть, истины, превосходящія его понятія. По между свышеразумнымъ и противоразумнымъ разстояніе неизмѣримо. Разумъ, доколѣ сознаетъ себя, не можетъ принимать противоразумнаго, нелѣпаго за истинное: онъ такъ же мало можетъ его усвоить себѣ вѣрою, какъ и знаніемъ. По Христіанское Откровеніе и не представляетъ ничего подобнаго: напротивъ, оно повсюду согласно съ существенными идеями нашего разума, и развиваетъ, расширяетъ и обогащаетъ ихъ до такой высоты и объема, которыхъ чрезъ собственное стремленіе разумъ человѣческій никогда не могъ бы достигнуть. При томъ оно повсюду имѣетъ въ виду только удовлетвореніе истинныхъ, существенныхъ потребностей нашего духа, и если мы не вполне сознаемъ это удовлетвореніе, то вина сему заключается въ томъ, что мы ведемъ не вполне Христіанскую жизнь: ибо глубина убѣжденія нашего о Божественности Христіанства опредѣляется степенью сообразности жизни нашей съ правилами Христіанства, какъ сказалъ и

Самъ Искупитель: *Аще кто хочетъ волю Его (пославшаго Мя) творити, разуметь о ученіи, кое отъ Бога есть; или Азъ отъ себе глаголю.* Іоанн. VII, 17.

Представимъ въ немногихъ словахъ результатъ всего сказаннаго нами. Разумъ и Откровеніе равно суть дары Божіи, существенно необходимы для достиженія нашего назначенія; оба они дарованы намъ для взаимнаго дополненія, и гдѣ области ихъ совпадаютъ между собою, тамъ совершенное согласіе ихъ зависитъ только отъ скромнаго признанія со стороны разума, что онъ есть только отрицательное мѣрло внутренней истины того, что открывается Богомъ непосредственно.

Что же составляетъ область естественной познавательной силы человѣка? гдѣ Откровеніе мало и даже нисколько не помогаетъ человѣку непосредственно (потому что не лежало въ предначертаніи Божиѣмъ давать Откровеніе для такихъ цѣлей)? далѣе, возможно ли и какъ возможно въ общей разуму и Откровенію области провести постоянную твердую черту раздѣла между Вѣрою и знаніемъ, т. е. опредѣлить, что постижимо для разума и что безусловно свыше-разумно?... Отвѣтъ на сіи вопросы столь тѣсно связанъ со всѣмъ содержаніемъ нашего философскаго ученія, что здѣсь, во Введеніи, не можетъ онъ быть удовлетворительнымъ и убѣдительнымъ.

Ординар. Професс. С. Петербургскаго Унивѣрс.

А. ФИШЕРЪ.

